

Улла Фикс.

ПРОЯВЛЯЕТСЯ ЛИ КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА В ТИПАХ ТЕКСТА?

Слово в защиту широкой трактовки понятия “тип текста”.

“Формы общества составляют путь культуры”

[Геерц 1997, 41]

*Статья подготовлена по материалам выступления на 10 международном конгрессе германистов в Вене 12 сентября 2000 г.***1. Состояние проблемы, постановка цели**

Как и любая другая гуманитарная дисциплина, германистика вызовет сегодня интерес только тогда, если она будет сообщать о результатах, выходящих за пределы ее узкоспециальных интересов и затрагивающих сведения других дисциплин, а также использующих их исследовательские приемы или же если затронет даже жиненную практическую сферу и ее проблемы. Новые задачи встают перед лингвистикой, если уточнить эту мысль, прежде всего, там, где речь идет о проблемах **использования** языка. Проблемы жизнедеятельности в практической плоскости и неизбежный контакт с другими науками в теоретико-методическом ракурсе встречаются нам непременно именно тогда, когда мы имеем дело с проблемой типологии текста. Выражаясь иначе, проблематика типологии текста может отражать потребности жизненной практики. Я использую название “упорядочивающее вмешательство в мир [ordnernder Zugriff auf die Welt] для того, что я считаю основополагающей жизненно-практической необходимостью, которой должны соответствовать типы текста, и понимаю под этим вмешательством “общественную функцию” типов текста [ср. 19]. Для чего нам нужны тексты определенного типа и зачем мы их используем именно в том или этом виде? Почему изменяются типы текста? Лингвистическая типология текста будет заниматься феноменом “общественная функция” еще пристальнее, чем она это делала до сих пор.

На вопросы, относящиеся к типологии текста, во многих случаях можно отве-

тить только при междисциплинарном подходе. С этим согласиться тот, кто привык трактовать типы текста как прототипические практические образцы, как часть ежедневной деятельности внутри какой-либо культуры, кто, следовательно, научился смотреть на типы текста с учетом культурно-специфических аспектов – точка зрения, которая не работает вне контактов с другими дисциплинами, прежде всего, в теми, которые трактуются как изучающие культуру науки.

Не стоит ли рассматривать в лингвистической типологии текста не собственно как нечто “сделанное человеком” и не интересуется ли нас в них то только, “как это сделано, при каких предпосылках, какими приемами и какими функциями и с какими последствиями” [4, 22]? Но именно это и есть такое описание, которое Алейда Ассманн делает объектом культурно-научного рассмотрения. Здесь, таким образом, ясно соприкасается текстолингвистический интерес с культурологическим, подобно тому как он по другим аспектам соприкасается с интересом социологическим, литературоведческим, историческим, теологическим, медийно-научным, этнологическим и т.д.

В этой связи мы должны всерьез задаться вопросом, не пришло ли время сознательно и принципиально расширить междисциплинарный коммуникативно-языковой взгляд на феномены “текст” и “тип текста” за счет междисциплинарных подходов. Под “междисциплинарным” я бы понимала здесь интеграцию, выходящую за рамки одного предмета и относящуюся к одной проблеме [22; 25]. Вопрос в этой связи мог бы быть поставлен так: Как я описываю типы текста, которые зна-

чимы для многих предметов, таким образом, что все эти предметы могли бы работать с этим описанием при родственном познавательном интересе? Задавая такой вопрос, исходят уже из того, что проблемы этого предмета уже не решаются или уже не могут больше решаться внутри одного предмета. На это я уже намекала для культурологических дисциплин. Поэтому я стремлюсь к междисциплинарности, во-первых, потому, что это проблема, которую я хочу представить – то есть культурность типов текста – нельзя решать без сотрудничества с другими дисциплинами, без их научных результатов. Я выступаю также за интертекстуальность, так как и без импульсов со стороны лингвистики, каким бы образом их влияние не осуществлялось. Многие дисциплины и без этого занимаются объектом “тип текста” – или как бы ни назывался этот феномен, естественно, под различным исследовательским углом зрения. Результаты текстолингвистических исследований, по всей видимости, все более служат для этого основой. Теология, древняя ориенталистика, египтология, гимнология, медионаука и литературоведение – вот только некоторые из дисциплин, которые, как мне бросилось в глаза в последнее время, методологически опираются на текстолингвистические соображения. Таким образом, междисциплинарность в подобных случаях уже реализовывалась (опосредованно или явно). В этом контексте я позволю себе вопрос, не имеет ли лингвистика текста/ лингвистика типов текстов, по всей вероятности, тенденцию помогать другим дисциплинам решать исследовательские проблемы, связанные с типами текста, то есть, следовательно, не могла ли она функционировать в смысле “зонтичной” науки. Это представление выходило бы также за рамки представления о междисциплинарности и интеграции.

Я же хочу вести речь, прежде всего, только об интегративных контактах с другими дисциплинами. Ниже я поясню, что я понимаю под “культурной спецификой” – а это можно достичь только при междисциплинарном подходе – и попытаюсь далее ответить на некоторые основопола-

гающие вопросы, затрагивающие отграничение и описание типов текста, вопросы, вытекающие из феномена культурной обусловленности [kulturelle Geprägtheit].

2. О культурной специфике типов текста

Типы текста я понимаю как прототипические образцы для пользования, как часть “вербального знания, выраженного определенным культурным сообществом” [12, 16], как элемент языковой и коммуникативной компетенции, приобретенной в процессе социального взаимодействия. Если принять названный деятельностный и пользовательский аспекты и если, кроме того, согласиться с тем, что специфика (отдельного) языка является также всегда культурной спецификой, что, таким образом, типы текста основываются, как и другие обычаи нашей деятельности, на культурных конвенциях [11, 20], то тогда нельзя исследовать “типы текста сами по себе”, а необходимо исходить из их специфической культурной обусловленности. Нужно спросить себя, какие формы “текстовой” деятельности выработало культурное сообщество, каким образом культура влияет на эти формы и как оно ими пользуется. Мы же должны предположить сначала саму возможность, в соответствии с которой в различных культурах имеются разные формы и способы общения. Более того, мы должны осознать то, что уже факт наличия типов текста как образцов нашей вербально-коммуникативной деятельности, какой бы она не являлась, представляет собой культурный феномен. По этой причине я иду далее и предлагаю восьмой критерий текстуальности – в добавление к семи, которые ввели Р.-А. Богранд и В. Дресслер [de Beaugrande, Dressler] – : критерий принадлежности к культуре [Kulturalität]. И принадлежность к культуре является, следовательно, условием, необходимым для существования текстуальности.

На каком понимании культуры основываются мои рассуждения? В первую очередь это не то понимание, традиционно распространенное у немцев, согласно которому культуре приписывают приподнятый, празднично-изысканный характер как

культуре праздника [ср. 5], это, напротив, представление о культуре повседневной (ср. [5]), которую Г. Баузингер характеризует как “большое общее поле поведения и привычек” [7, 65]. Это культура как “организованный объединенный опыт, как репертуар структур знаний, интерпретаций и действий” [2, 10]¹

Такое понимание культуры предполагает, как уже можно было убедиться, деятельность. Типы текста, будучи культурно обусловленными организационными формами обыденного знания, являются элементами нашей вербально-коммуникативной деятельности. Гносеологический социологический вывод о том, что человек, действуя, проявляет себя в реальности, упорядочивая и придавая ей форму, справедлив, само собой разумеется, и для вида его вербальной деятельности и приводит при изучении типов текста к важному следствию, что типы текста всякий раз обеспечивают **специфическое вмешательство в мир**. Это свойство, присущее, на мой взгляд, всем текстам, должно быть определено как самый общий признак текстов. Такая точка зрения не нова, однако она до сих пор не “проработана” текстолингвистически. Предварительные замечания по этому поводу мы находим уже в работах по этнологии. Так, Г. Баузингер [7, 56] говорит в этой связи об “упорядочивающем освоении человеком мира”, а Йоллес [20, 10] пишет в своей книге о “простых формах” деятельности духа, присущей определенному типу текста. Согласно его объяснению этой категории, его точка зрения заключается в том, что организующее языковое освоение мира упорядочивает мир специфическим образом, что это языковое вмешательство, будучи само по себе неким образом, отражает структуры, и, наконец, то, что требования к форме текста вытекают из интенции порождаемого текста. “Формы текста”/ образцы текста привязаны к определенным “жизненным установкам”, к “дея-

тельности духа”. А “деятельность духа” – и вот тут-то мы подходим к сути – следует понимать как установку, позицию и действия по отношению к окружающей их реальности, общих для группы людей. Если ознакомиться с простыми формами Йолля, то встретишь у него ВОПРОС при загадке, СООБЩЕНИЕ ОБОБЩАЮЩЕГО ОПЫТА у пословицы и ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ у сказания (на других типах текста я остановлюсь позже).

Сходное мнение мы встречаем при литературоведческом рассмотрении типов текста, как это предпринимает Г.Р. Яус [19, 132], опираясь на мнение теолога Г. Гункеля [18; 1986]. Констатируя, что литературные жанры “локализируются в жизни” и имеют тем самым общественную функцию, Г.Р. Яус приводит, в отличие от Йолля, также и письменные тексты. Подчеркнем следующее: письменные, а также устные тексты с их соответствующей “общественной функцией”, их “деятельностью духа” суть проявления культурной «текстовой совокупности». Другие культуры могут иметь другие типы текста с иным “упорядочивающим вмешательством” [ordnender Zugriff], что обуславливает необходимость знакомства с типами текста другой культуры.

Учитывая современную социологическую точку зрения, Й. Бергманн и Т. Лукманн [8] используют вместо категории “деятельность духа” категорию “коммуникативный жанр”, под которой они понимают “исторически и культурно специфические, закрепленные в обществе образцы решения структурных коммуникативных проблем” [ibidem, 2]. Функцию коммуникативных жанров они усматривают в том, что жизненный опыт “тематизируется, осваивается, сообщается и передается в более или менее обязательных формах” [8, 2].

В основе всех этих воззрений лежит общее представление, которое можно описать максимально нейтрально, используя выражение Г.Р. Яуса “общественная функция”. И здесь я хочу обратиться к более точному рассмотрению культурной специфики типов текста. При этом я буду опираться на выводы, к которым я пришла,

¹ С этой точки зрения можно присоединиться к К. Геерцу (1976 21) [17, 21], когда он утверждает: «Понимание культуры народа ведет к тому, чтобы вскрыть его нормативность, не пренебрегая при этом его особенностью».

занимаясь типами текста вообще, но в особенности при организации двух совещаний (секционных заседаний) на темы “Культурная специфика типов текста” и работой над сборником², составленным по результатам этого совещания. Я исхожу из того, что существуют как тексты с идиокультурной спецификой, так и типы текста культурно-универсальные. В зависимости от того, “куда они относятся”, в них содержатся локальные или глобальные культурно сформированные образцы.

Если обратиться к религиозным текстам, например, к молитвам, игровым текстам, например, к загадкам, или к нарративным текстам устной народной поэзии, то натолкнешься преимущественно на надкультурную специфику. Речь идет о текстах, существенный признак которых – упорядочивающее вмешательство в мир – представляет собой именно не обусловленность какой-либо определенной культурой, а, напротив, тот факт, что они являются своими в большинстве или во многих культурах. В качестве примера можно назвать современное сказание (см. работы У. Фикс за 1996, 1998, 2000 годы [13, 14, 15]).

Сформированное сборником Гриммов “Немецкие сказания” (1816-1818) представление о простой форме “сказание” описывается Р.В. Бредником [10, 6] как “устно передаваемые рассказы и сообщения о необычных переживаниях, событиях как о явлениях, которые рассказываются с претензией на достоверность”. Достоверность достигается тем, что называются, к примеру, место и лицо, а также тем, что невероятное привязывается к реальному.

Г. Баузингер формулирует деятельность духа современного сказания³ так: “Форма “сказание” основывается на деятельности духа, при которой мир разделяется на *внутри* и *снаружи*, на *родину* и *чужбину*, на *дом* и *отторженность* от него, на *посюсторонность* и *потусторонность*; деятельность духа, которая бодрст-

вует на границе между этими сферами, чтобы снаружи, чужбина, отторженность, потусторонность, инаковость не были забыты в собственной сфере, - но чтобы она также не была разрушена потусторонними силами” [6, 248]. Упорядочивающее вмешательство в мир здесь – это СООБЩЕНИЕ с функциями ВЫРАЖЕНИЕ СТРАХА, ОБЪЯСНЕНИЕ, ПОУЧЕНИЕ, ПРИВЕДЕНИЕ ПРИМЕРОВ и ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ.

Языковая форма сказания менее прочна, чем форма сказки. Рассказ ведется деловито, поднимается претензия на достоверность. Конечно, и по этой причине изложение кратко, ясно, целеустремленно. Приводятся факты, а также названия мест и лиц. Характерологические зарисовки не предпринимаются; ведь описания достойны не лица, а жуткое, проникающее в обыденное.

Вопреки представлению о том, что “простые формы” вымерли, мы находим еще и ныне сказания в изложенной выше форме ее проявления. Это именно те сказания, которые в фольклорной литературе называются современными, urban legends, сказки-истории сегодняшнего дня [10]. Современные сказания – это устно сообщаемые истории о невероятных происшествиях: пудель в микроволновой печке, паук в юкковой пальме, крыса в пицце. Тексты соотносятся с тем, что современному человеку чуждо, жутко, необъяснимо: с техникой, общением, неизвестной инаковостью стран, где проводят отпуск. И это все еще *снаружи*, *чужое*, *пугающее*, от которого надо предостеречь и которое боятся, так что через рассказ снимают страх. Функция старого сказания-предостережения, таким образом, осталась. Аналогичны и простые повествовательные структуры и прежде всего формула “Это произошло на самом деле”, с помощью которой выражается претензия на достоверность. Идентичность наблюдается не только диахронически – старое и новое сказание –, но и синхронно при пересечении культурных границ: можно найти некоторые повествовательные мотивы по всему миру, а простой способ повествова-

² Совместное со Стефаном Хабштедтом (Хемниц), и Йозефом Кляйном (Кобленц) издание. – В печати.

³ Йоллес описывал в своих «Простых формах» место гриммовских сказаний героическое сказание [Jolles].

ния встречается везде как вводная формула.

Всем современным сказаниям, таким образом, свойственно следующее: деятельность духа, упорядочивающее вмешательство, символические измерения: **ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ**, сопровождаемое вводной формулой, подкрепляющей правду. Этот феномен мы можем, следовательно, назвать **культурно-универсальным**, одним из видов надкультурности.

На надкультурность указывает с исторической точки зрения Инго Варнке [см. по: 16]. Он обращает внимание на то, что образцы текста можно считать, кроме их внутрикультурного существования, также и полем для культурным контактам. Для развития образцов текста, фиксируемых национально – то есть при внутрикультурных стандартах порождения текста – важную роль играет, как показывает И. Варнке, например европейский культурный трансфер. Нередко в дело вступают при оформлении типов текста межкультурные линии связи. В качестве примера И. Варнке приводит межконтинентальное распространение христианства в ранее новое время благодаря иезуитам и передвижным европейским театрам (там же, рукопись, 9). Здесь речь идет о **культурно-сообщающем** аспекте типов текста: о другом типе надкультурности.

Еще более выражен надкультурный момент в текстах, которые, выходя за рамки языковых границ и границ страны, конституируют собственную культуру, которые – это надо еще раз подчеркнуть ради ясности – не привязаны к культуре одной страны или какого-либо языкового сообщества. Й.К. Андропополос доказал это для поп-культур, прежде всего, для молодежных музыкальных культур.⁴ Культурно-специфичные типы текста, согласно его точке зрения, – это типы текста, которые определяют специальную культуру и поддерживают ее коммуникативно. Они не привязаны изначально к **одному** языковому сообществу. В духе Виддовсоновских вторичных культур они конституируют

специальные, выходящие за рамки отдельных лингвокультурных сообществ, культуры с транснациональной сферой функционирования. Виддовсон прослеживает это в особенности в сфере медийных текстов: критика дисков, граффити, тексты из журналов для панковских фанов и т.п. Здесь мы не можем более говорить о явлениях, охватывающих всю культуру, или о явлениях, транслирующих культуру. Это **культурно-коституирующий** феномен. Необходимо осмыслить, следует ли рассматривать этот феномен как нечто совершенно новое, которое отвоевало себе место, став следствием глобализации и ликвидации культурных границ. Выражаясь более резко, скажем: там, где нет более культурных границ, там и не может быть более культурных различий.

Наряду с этими – проявляемыми по-разному – надкультурными характеристиками типов текста мы, само собой разумеется, находим также типы текста, особенностью которых является их внутрикультурная специфика. Для пояснения я хочу сравнить здесь два примера типов текста. Во-первых, это тип текста “молитва” (который я не хочу сейчас подробно характеризовать), основная надкультурная специфика которой заключается в том, что молитва реализует мыслительно-упорядочивающее вмешательство в мир и что это обуславливает формально приподнятость, эмоциональность выражения, в какой бы то ни было культуре и с помощью какого-либо языка не формулировалась молитва. Другим примером может быть тип текста “рецензия/ характеристика”. Его вмешательство в мир имеет практико-упорядочивающий характер. Сухость выражений может считаться адекватной и преобладает во всех культурах. Не так это, однако, в русской культуре. В ней доминируют при оформлении такого рода текстов приподнятость и эмоциональность, те свойства текста, которые в данном случае не являются обязательными, обусловленными характером вмешательства в мир, но представляют собой феномен, объяснимый внутрикультурно [innerkulturelle Geprägtheit], культурно-исторически или же ментально-исторически. Из сборника “Культурно-исторически”.

⁴ Jannis K. Androtsopoulo: Internationale kulturspezifische Textsorten. In: Fix, Habscheid, Klein: Zur Kulturspezifität von Textsorten.

турная специфика типов текста” (Kultur-spezifität von Textsorten) назову следующие типы внутрикультурной обусловленности, которые обратили на себя мое внимание:

1. **Различия в текстовой локуции (языковой реализации):**

- немецкоязычные и англоязычные рецензии (М. Хуц)⁵ Немецкие рецензии более прямые и более обезличенные, чем английские;
- читательские письма на венгерском, польском, немецком языке [Drenowska-Vargane]⁶. Роль обращений и высказываний благодарностей, а также роль эмоциональности различны;
- юридические тексты на немецком и итальянском языках имеют общие модели метафор, обусловленные одинаковой историей права и одинаковыми воззрениями на право [Veronesi]⁷.

Ни один из этих признаков не является с точки зрения типологии текста неизбежным, как это имеет место с типом текста “молитва”.

2. **Различия в текстовой пропозиции**

Letters to the Editor. [Kniffka]⁸. Речь идет о культурно-специфическом содержании. В другой культуре письма этих типов текста имеют другое типическое содержание.

3. **Различия в развитии темы и в способе аргументации**

Тексты китайских сочинений [Lehker]⁹ характеризуются в отличие от немецких аффективно-определенным аргументированием и нелинейным, “спиралевидным” развитием темы.

⁵ Маттиас Хуц: «В общем, я должен прийти, к сожалению, к неблагоприятному выводу» [Hutz M.: Zur Kulturspezifität wissenschaftlicher Rezensionen im Deutschen und Englischen. – ibidem]

⁶ Eva Drenowska-Vargane: Kohärenzmanagement und Emittent-Rezipient-Konstellationen in deutsch-, polnisch- und ungarischsprachigen Leserbriefen. – ibidem.

⁷ Daniela Veronesi: Metaphern als Wegweiser in Fachtexten: italienische und deutsche rechtswissenschaftliche Artikel im Vergleich. – ibidem.

⁸ Hannes Kniffka: Dialogical genres of Newspaper Communication across cultures. Letters to the Editor in English Saudi Arabian Daily Newspapers. – Ibidem.

⁹ Marianne Lehker: Chinesische und deutsche Aufsatzsorten im Vergleich. – ibidem.

4. **Различия в речевых действиях, свойственных какому-либо типу текста**

Образцы текстовых действий как прототипические ядра типов текста, например, приговоры земельного суда на датском и немецком языках отличаются друг от друга. К примеру, тип текста “приговор” отличается степенью однозначности и детальности, которые в датском языке более выражены, чем в немецком [Engberg]¹⁰.

5. **Различия по вопросу, кто может прибегать к типу текста**

Критическое высказывание, как например, глоссу, может использовать в Германии всякий. Во Франции глосса доступна только экспертам [Perennec]¹¹.

В иллокутивной силе различия не установлены. Я это могу объяснить тем, что доминирующие иллокуции всякий раз дефинируют тип текста (ведущая роль функции текста) и тем самым всегда определяет сравниваемые типы текста относительно общей функции и отбирает эти типы текста. Следовательно, не может быть с этой точки зрения и различий.

А как же возникают, с одной стороны, “межнациональные образцы” [24, 245] современных сказаний и, с другой стороны, типы текстов, которые привязаны к актуальной ситуации коммуникативного сообщества? Различия можно объяснить категорией “упорядочивающего вмешательства”, с которым мы встречаемся в двух видах. В современном сказании, как и в молитве, реализуется одно и то же умственно-упорядочивающее вмешательство в мир. Речь идет о ментально-рефлексивно-эмотивном освоении жизненных ситуаций, которые можно считать антропологическими и о которых можно предположить, что они всегда повторяются так или иначе как вызов ментальному освоению жизни. Сюда подходят также и примеры И. Варн-

¹⁰ Jan Engberg: Kulturspezifische Ausprägung kulturübergreifender Texthandlungsmuster – deutsche und dänische Landsgerichtsurlaube im Vergleich. – ibidem.

¹¹ Marie-Helene Perennec: Die Sprachglosse beiderseits des Rheins: kulturelle Unterschiede bei einem gemeinsamen Textmuster. – ibidem.

ке “театр, религия” и мой пример “современное сказание” и “молитва”. Согласно этому положению, вмешательство менее подчиняется потребностям практике. Его, напротив, надо мыслить как надкультурное и долговременное явление.

Реализуемое в других типах текста (рецензии, читательские письма, юридические тексты, сочинения, глоссы) вмешательство имеет **практическую упорядочивающую природу**. Эти тексты служат жизненно-практическим целям, освоению будней. Если изменяются эти цели, то меняются также и тексты. Поэтому они на “будничном уровне” приспособлены к модальностям соответствующей культуры, что может (но не должно) означать, что эти типы текста изменяются быстрее.

В связи с этим нам следует поразмышлять над тем, не надо ли на здесь вновь сопоставить понятие “культура быта/ будничная культура” с понятием “культура праздника” – тексты с умственным упорядочивающим вмешательством: тексты, которые существуют как часть культурной памяти [3] и тексты, используемые как часть бытовой культуры. Мой тезис: тексты, с помощью которых реализуется мыслительно-упорядочивающее вмешательство, имеют, скорее всего, глобальную природу и привязаны к антропологическим потребностям человека. Они являются подходящими кандидатами для праздничной культуры и частью культурной памяти. Типы текста же, которые реализуют практическое упорядочивающее освоение действительности, являются, как свидетельствует опыт, скорее всего, локально выраженными и привязаны к практическим потребностям. Кто принимает это положение, тот должен дифференцировать распространенное представление о культурной обусловленности типов текста, учитывая в своих размышлениях соответствующее вмешательство в мир и принимая во внимание наличие как локальных, так и глобальных культурно детерминированных образцов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Adamzik, Kirsten (1995): Textsorten - Texttypologie. Eine kommentierte Bibliographie. Münster.
2. Ahlheit, Peter (1985): Alltag und Biographie. Bremen.
3. Assmann, Aleida (1991): Kultur als Lebenswelt und Monument. In: Assmann, Aleida; Harth, Dietrich (g.): Kultur als Lebenswelt und Monument. Frankfurt am Main, S. 11-25.
4. Assmann, Aleida (2000): Kulturwissenschaften im internationalen Vergleich. In: Akademie-Journal. 1/2000, S.20-22.
5. Assmann, Jan (1992): Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München.
6. Bausinger, Hermann (1958): Strukturen des alltäglichen Erzählens. In: Fabula 1(1958), S. 239-254.
7. Bausinger, Hermann (1980); Formen der Volkspoesie. Berlin de Beaugrande, Robert-Alain; Dressler, Wolfgang (1981): Einführung in die Textlinguistik. Tübingen.
8. Bergmann, Jörg; Luckmann, Thomas 819939: Formen der kommunikativen Konstruktion von Moral.
9. Entwurf eines Forschungsvorhabens. In: Arbeitspapiere des Projektes „Formen der kommunikativen Konstruktion von Moral: Gattungsfamilien der moralischen Kommunikation in informellen, institutionellen und massenmedialen Kontexten“. Nr. 1. Universität Konstanz.
10. Brednich, Rolf Wilhelm (1990): Die Spinne in der Yucca-Palme. Sagenhafte Geschichten von heute. München.
11. Eco, Umberto (1972): Einführung in die Semiotik. München.
12. Feilke, Helmuth (1984); Common sense - Kompetenz. Überlegungen zu einer Theorie „sympatischen“ und „natürlichen“ Meinens und Verstehens. Frankfurt am Main.
13. Fix, Ulla (1996): Was ist aus Andre Jolles einfachen Formen' heute geworden? Eine kulturanalytische und textlinguistische Betrachtung. In: Hertel, Volker u.a. (Hg.): Sprache und Kommunikation im

Kulturkontext. Frankfurt am Main. Berlin. Bern, S. 105-120.

14. Fix, Ulla (1998): Die erklärende Kraft von Textsorten. - Textsortenbeschreibungen als Zugang zu mehrfach strukturiertem - auch kulturellem - Wissen über Texte. In: *Linguistica XXXVIII*, 1, S. 15-27. Ljubijana.

15. Fix, Ulla (2000): Wie wir mit Textsorten umgehen und sie ändern - die Textsorte als ordnender Zugriff auf die Welt. In: *Der Deutschunterricht* 3, 2000, S.54-65.

16. Fix, Ulla; Habscheid, Stephan, Klein, Josef, Hg. (erscheint 2001): *Zur Kulturspezifik von Textsorten*. Tübingen.

17. Geertz, Clifford (1997): *Dichte Beschreibung. Beiträge zum Verstehen kultureller Systeme*. Frankfurt am Main.

18. Gunkel, Hermann (1986, erstmals 1933): *Einleitung in die Psalmen: Die Gattungen der religiösen Lyrik Israels*. Göttingen.

19. Jauß, Hans Robert (1972): *Theorie der Gattungen und Literatur des Mittelalters*. In: Gumbrecht, Hans.

20. Jolles, André (1982): *Einfache Formen. Legende, Sage, Mythe, Rätsel, Spruch, Kasus, Memorabile, Märchen, Witz*. - Tübingen.

21. Ulrich, Hg.: *Grundriß der romanischen Literaturen des Mittelalters*. Bd.1, S.107-138.

22. Lehr, Ursula (1988): *Interdisziplinarität - Wunsch oder Wirklichkeit?* In: *Marksteine*. Universitas.

23. Sonnered, zur 500. Ausg. d. *Zeitschr. für Wiss., Kunst, Literatur*. Stuttgart, S. 25-31.

24. Shenhar, Aliza (1986): *Israelische Fassungen des Verschwundenen Anhalters*. In: *Fabula* 26, S.245-253.

25. Tenbruck, Friedrich H. (1988): *Sinn und Unsinn der Interdisziplinarität*. In: *Marksteine*. Universitas.

26. Sonnered, zur 500. Ausg. d. *Zeitschr. für Wiss., Kunst, Literatur*. Stuttgart, S. 16 - 20.

Перевод с немецкого Л.И. Гришаевой